

Прошло довольно много времени, прежде чем тот человек, кажется, заметил его присутствие. Он медленно обернулся, и брови Юй Чанцина резко сошлись.

Потому что лицо человека в белом было точно таким же, как у него самого. Они стояли друг напротив друга, словно отражения в зеркале. Только у того — взгляд был темнее, наполненный пустотой и мёртвой тишиной.

Они молча смотрели друг на друга. Человек в белом будто видел его, а будто и нет. В глубоких чёрных глазах не было ни капли эмоций. Даже непонятно, на чём они были сосредоточены. Казалось, он смотрит куда-то вдаль. Вдруг его брови едва заметно дрогнули, на губах появилась слабая, печальная улыбка и он, словно дым, рассеялся.

Юй Чанцин нахмурился ещё сильнее и огляделся. Вокруг по-прежнему царил густая тьма, стелился белёсый туман — пустота и запустение, будто того печального человека здесь никогда и не было.

После его исчезновения в море сознания Юй Чанцина прозвучал голос, полный печали:

— Пусть в следующей жизни он живёт вволю, будет любим и поступает лишь по велению сердца. Пусть я сам как можно раньше испытаю все горести мира, чтобы, встретив Цин Хэня вновь, уже умел ценить...

Юй Чанцин вздрогнул и резко открыл глаза.

Перед ним была тихая бамбуковая хижина. В его объятиях спал его даолюй. На стене напротив висел образ Цин Хэня в зелёных одеждах, с серебристыми волосами и лёгкой, свободной осанкой.

Грудь Юй Чанцина чуть заметно поднялась и опустилась. Он прикрыл глаза.

Он знал — это не сон. Более того, он был уверен, кого только что видел.

Это был Юнь Сю. Но не изначальный дух и не сознательная сущность, а лишь остаток воли.

Юй Чанцин повернул голову, посмотрел на зелёный росток у рукава Цин Хэня, затем на безмятежно спящее лицо Ван Дачжуана.

Через некоторое время Ван Дачжуан наконец проснулся. Сознание возвращалось медленно; сонный, он ещё ближе прижался к своему Сяньцзюню, обнял его за талию и потянул к себе.

Юй Чанцин молчал и даже поддался его движению. Но напряжение мышц под ладонью заставило Ван Дачжуана мгновенно проснуться.

Он вспомнил о ране на его талии. Так ведь наверняка больно!

Он хотел резко подняться, но не успел: его прижали обратно ладонью.

— Что ты делаешь? — прозвучал мягкий, заставляющий сердце дрогнуть голос.

— Я не сделал тебе больно? — встревоженно спросил Ван Дачжуан.

— Нет. Лежи спокойно, — тихо ответил Юй Чанцин.

Ван Дачжуан всё ещё беспокоился и осторожно коснулся его бока:

— Правда не болит?

— Пустяковая рана. Я в порядке. А ты? Тебе уже лучше?

Ван Дачжуан неловко улыбнулся:

— Да... всё хорошо.

Тема казалась немного смущающей, и он поспешил сменить её:

— Интересно, который сейчас час? Почему до сих пор не темнеет?

— Время в этой бамбуковой хижине остановлено, — объяснил Юй Чанцин. — Здесь нет течения времени, значит, и ночь не наступит.

Ван Дачжуан только теперь заметил: с самого их появления солнце за окном оставалось под одним и тем же углом.

— Но ведь свет есть... — пробормотал он.

Юй Чанцин убрал пряди волос с его шеи и мягко сказал:

— Эта хижина — артефакт. Настоящий солнечный свет сюда не проникает. Свет лишь иллюзия. Ты чувствуешь от него тепло?

Ван Дачжуан замер. И правда — свет был ярким на вид, но совершенно холодным, словно нарисованным.

Он оглядел уютную комнату и вздохнул:

— Юнь Сю, наверное, очень глубоко любил... раз всё продумал до мелочей. Надеюсь, в следующей жизни он быстро найдёт Цин Хэня, и они будут вместе. Будут совершенствоваться, вместе вознесутся и больше не расстанутся... Как думаешь, они уже могли вознестись?

Юй Чанцин опустил взгляд:

— Возможно.

Ван Дачжуан охотно поверил в это и улыбнулся:

— Мы тоже будем вместе совершенствоваться и однажды вознесёмся... Хотя нет, с моим уровнем ты вознесёшься гораздо раньше.

Сердце Юй Чанцина болезненно сжалось. Он коснулся его щеки:

— Нет. Я подожду тебя.

— Я не хочу быть для тебя обузой, — нахмурился Ван Дачжуан.

Юй Чанцин тихо вздохнул:

— Мы ведь даолюи. Значит, должны идти вперёд вместе. Если я вознесусь один — в чём тогда смысл? Для меня место, где есть ты, и есть бессмертная обитель. Есть ли разница, вознесусь я или нет? Как ты можешь обречь меня на одиночество?

Ван Дачжуан взволнованно задрожал, едва не расплакавшись. Он крепко обнял своего Сяньцзюня:

— Я не это имел в виду... Я никогда не оставлю тебя одного. Хорошо, пусть будет по-твоему. Я всё сделаю, как ты скажешь.

Юй Чанцин удовлетворённо кивнул. Они ещё немного полежали вместе, после чего он уложил Ван Дачжуана на живот и, мягко направляя духовную силу, стал осторожно массировать его поясницу и ноги.

Ван Дачжуану было так хорошо, что он совсем размяк. Лишь спустя долгое время он поднялся, чтобы одеться, и вдруг заметил, что рана на плече Юй Чанцина снова разошлась.

Он тут же перепугался, заново тщательно перевязал его и категорически запретил двигаться.

Говорят, в горах не чувствуешь хода времени. В этой хижине, где время застыло, оно ощущалось ещё меньше. Они провели там... наверное, несколько дней тихого, украденного у мира отдыха.

Наконец оба вышли из запретной зоны хижины.

Ван Дачжуан с сожалением оглянулся. Юй Чанцин сказал:

— Если тебе здесь понравилось, когда тайное царство снова откроется, мы вернёмся и поживём дольше.

Ван Дачжуан покачал головой. Он хотел что-то сказать, но внезапно побледнел.

Юй Чанцин почувствовал, как его аура стремительно растёт: за мгновение его уровень поднялся с девятого слоя очищения ци до великого завершения.

Он изменился в лице, подхватил Ван Дачжуана на руки и молнией ринулся по тропе наружу.

Цинъян-чжэньжэнь и остальные видели, как Ван Дачжуан с Юй Чанцином исчезли в проходе, и были ошеломлены. Но вскоре Юй Чанцин уже вернулся — живой и невредимый, неся Ван Дачжуана на руках.

Цинъян-чжэньжэнь и остальные: «...»

Что вообще происходит?!

Однако объяснять было некогда. Юй Чанцин занёс Ван Дачжуана в пещеру, которую ранее пробил для подавления действия лекарства, и серьёзно сказал:

— Цзися вот-вот прорвётся к стадии Основания. Его нельзя тревожить. Мы будем охранять его.

<http://bllate.org/book/12569/1118001>